

Спор о Польше

С каждой неделей, проходившей после Ялты, становилось все более ясным, что советское правительство ничего не предпринимает для выполнения достигнутых между нами соглашений о расширении польского правительства, в состав которого вошли бы представители всех польских партий и обеих сторон. Молотов упорно отказывался высказать свое мнение относительно тех поляков, о которых мы говорили, и ни одному из них не было разрешено присутствовать даже на предварительном совещании за круглым столом.

Поэтому я адресовался к президенту в надежде, что мы могли бы совместно обратиться в высших сферах к Сталину. В ходе последовавшей длительной переписки положение в Польше было обрисовано в том виде, как его представляли себе англичане и американцы. В этот критический момент здоровье и силы Рузвельта иссякли. Посылая пространные телеграммы, я думал, что обращаюсь к моему доверенному другу и коллеге, как я это делал в течение всех этих лет. Но он уже не мог внимательно прислушиваться к моим словам. Я не знал, как он был болен, иначе я, пожалуй, счел бы жестоким продолжать оказывать на него давление. Преданные помощники президента стремились держать сведения о состоянии здоровья президента в пределах самого узкого круга, и различные люди совместно составляли проекты ответов, которые посылались от его имени. Так как жизнь президента Рузвельта находилась на исходе, он мог

осуществлять лишь общее руководство и давать свое одобрение этим ответам. Это было героическим усилием. Тенденция государственного департамента, естественно, сводилась к тому, чтобы не обострять проблемы в момент, когда президент находился в таком тяжелом состоянии, и взваливать все бремя на плечи послов в Москве. Гарри Гопкинс, который мог бы оказать личную помощь, сам был серьезно болен и часто отсутствовал, или же к нему не обращались за помощью. Эти недели всем дорого обошлись.

* * *

В тот самый вечер, когда я говорил в палате общин о результате нашей работы в Ялте, в Румынии русские совершили первое нарушение как духа, так и буквы наших соглашений. Согласно Декларации об освобожденной Европе, столь недавно подписанной, все мы были обязаны позаботиться о том, чтобы в странах, оккупированных союзными армиями, были проведены свободные выборы и созданы демократические правительства. 27 февраля Вышинский, за день до этого неожиданно появившийся в Бухаресте, потребовал аудиенции у короля Михая и настаивал, чтобы тот сместил состоявшее из представителей всех партий правительство, которое было сформировано после организованного королем государственного переворота в августе 1944 года и привело к изгнанию немцев из Румынии. Юный монарх при поддержке своего министра иностранных дел Вишоюну сопротивлялся этим требованиям до следующего дня. Вышинский снова явился и, отвергнув просьбу короля позволить ему хотя бы проконсультроваться с лидерами политических партий, стуча кулаком по столу, потребовал немедленной покорности и вышел из комнаты, хлопнув дверью. Одновременно советские танки и войска заняли позиции на улицах столицы, а 2 марта к власти пришло правительство, назначенное Советами.

Я был глубоко обеспокоен этим событием, которое должно было послужить образцом для последующих действий. Русские поставили у власти коммунистическое меньшинство при помощи силы и обмана. Протестам с нашей стороны мешало то, что Иден и я во время посещения Москвы в октябре согласились с тем, чтобы Россия имела преобладающее влияние в Румынии и в Болгарии, тогда как мы осуществляли бы руководство в Греции. Сталин очень точно придерживался этого взаимопонимания во время полуторамесячной борьбы против коммунистов и ЭЛАС в Афинах, несмотря на то что все это крайне не нравилось ему и его окружению. Мир уже был восстановлен, и, хотя перед нами стояли еще многие трудности, я надеялся, что в ближайшие несколько месяцев мы сможем провести свободные и ничем не стесненные выборы, желательно под наблюдением англичан, американцев и русских, а затем будет принята конституция и сформировано правительство в соответствии с ясно выраженной волей греческого народа.

Теперь Сталин стал действовать совсем иначе в этих двух балканских странах на побережье Черного моря. Его действия абсолютно противоречили всему духу демократии. На бумаге он подписал принципы, провозглашенные в Ялте, а теперь они попирались в Румынии. Но, если бы я оказал на него слишком сильное давление, он мог бы сказать: «Я не вмешивался в вашу деятельность в Греции, почему же вы не предоставляете мне такую же свободу действий в Румынии?»

Это привело бы к сопоставлению наших и его целей. Ни одна сторона не могла бы убедить другую. Основываясь на опыте моих личных отношений со Сталиным, я был уверен, что не следует начинать такой спор.

Кроме того, я полностью сознавал, что польский вопрос имеет гораздо более важное значение, и не хотел предпринимать в отношении Румынии ничего такого, что могло бы повредить перспективам урегулирования в Польше. Однако я считал, что мы должны заявить Сталину о нашем крайнем недовольстве по поводу насильного водворения правительства коммунистического меньшинства, так как это шло вразрез с Декларацией об освобожденной Европе, которую мы согласовали на Ялтинской конференции. Больше того, я опасался, что приход к власти этого правительства приведет к повальной чистке антикоммунистически настроенных румын, которых обвинят в фашизме наподобие того, как это происходило в Болгарии. Поэтому я предложил Рузвельту вместе обратиться к Сталину с просьбой обеспечить, чтобы новое правительство не затевало сразу же чистки всех антикоммунистов на том основании, что его поощряет к этому ялтинская декларация.

Поступавшие из Москвы сведения относительно Польши были также крайне разочаровывающими. Соотношение партий внутри правительственного большинства в Англии не отражало сильного недовольства советским господством в Польше, которое, хотя и не высказывалось открыто, существовало среди всех партий и классов. В то самое время, когда военные дела в Европе и на Дальнем Востоке шли так хорошо, между нами и Россией мог появиться открытый разлад, который затронул бы, по крайней мере в Англии, не только правительство, но и всю толщу народных масс.

После довольно многообещающего начала Молотов отказался согласиться с каким-либо иным толкованием предложений, выработанных в Крыму, кроме своего собственного, крайне предвзятого и узкого. Было ясно, что он хочет превратить консультации с «нелюблинскими» поляками в фарс. Это означало бы, что новое польское правительство, по существу, останется неизменным и будет лишь приукрашено, чтобы выглядеть более респектабельным в глазах непосвященных. Он также добивался того, чтобы мы не могли наблюдать ликвидацию и высылку нежелательных элементов и осуществление всех маневров, направленных на установление тоталитарного режима до проведения выборов и даже

до формирования нового правительства. Если мы не исправим положение, то мир вскоре убедится, что, подписавшись под Крымским соглашением, Рузвельт и я одобрили фальшивый документ.

Я твердо считал, что маневрам Молотова можно было положить конец только с помощью личного послания, адресованного Сталину, и ясного заявления о тех важных вопросах, разрешения которых мы должны добиться. Дело касалось гораздо большего, нежели вопроса о Польше. Это было проверкой того, как мы и русские толковали значение таких понятий, как демократия, суверенитет, независимость, представительное правительство и свободные выборы. Поэтому 8 марта я сообщил свое мнение президенту, выдвинув предложение, чтобы я обратился к Сталину с посланием в изложенном ниже духе, и я надеялся, что он пошлет аналогичное послание, содержащее те же минимальные требования.

Послание, с которым я хотел обратиться к Сталину, было следующим: «...вынужден сообщить Вам, что мне придется сделать в парламенте заявление о постигшей нас неудаче, если комиссия в Москве не сумеет в конце концов прийти к соглашению на следующей основе:

а) Господин Молотов, видимо, утверждает, что условия Крымского коммюнике предоставляют существующему варшавскому правительству абсолютное право на предварительные консультации по всем вопросам. В английском тексте та часть коммюнике, о которой идет речь и проект которого составлен американцами, не допускает такого толкования. Поэтому толкование, которое дается г-ном Молотовым, неприемлемо.

б) Все кандидатуры поляков, предложенные любым из трех правительств, должны быть допущены к консультации, если эти кандидатуры не будут отвергнуты единодушным решением комиссии и будет сделано все, чтобы дать им возможность предстать перед комиссией как можно скорее. Комиссия должна обеспечить приглашенным полякам возможность поддерживать связь с другими поляками, с которыми они хотели бы проконсультироваться, будь то в Польше или за ее пределами, а также предоставить им право предложить на рассмотрение комиссии кандидатуры других поляков, которых следовало бы пригласить на заседания комиссии. Все поляки, приглашенные в комиссию, будут, естественно, пользоваться полной свободой передвижения и связи друг с другом во время пребывания в Москве и после окончания консультаций будут свободны выехать туда, куда они пожелают. Г-н Молотов возражает против приглашения г-на Миколайчика, но его присутствие было бы, конечно, крайне необходимо.

в) Приглашенные для консультаций поляки должны совещаться между собой, чтобы прийти к соглашению относительно создания правительства, в состав которого вошли бы подлинные представители различных слоев польского общественного мнения, представленного на заседаниях комиссии. Во время этих обсуждений следует также рассмотреть вопрос об осуществлении президентских функций. Члены комиссии должны

председательствовать во время этих обсуждений в качестве беспристрастных арбитров.

г) В ожидании окончания обсуждений, проводимых комиссией, советское правительство должно использовать все свое влияние для того, чтобы предотвратить осуществление варшавским правительством дальнейших мероприятий законодательного или административного характера, имеющих принципиальное значение и затрагивающих социальное, конституционное, экономическое или политическое положение в Польше.

д) Советское правительство должно принять меры, чтобы дать возможность английским и американским наблюдателям посетить Польшу и докладывать о существующих там условиях в соответствии с предложением, выдвинутым по инициативе самого г-на Молотова на более ранней стадии работы комиссии.

Мы не должны допустить, чтобы Польша стала источником разногласий и недоразумений между нашими двумя народами. Поэтому я уверен, что Вы поймете, как важно для нас достигнуть быстрого урегулирования на основе решения, принятого в Ялте, и я телеграфирую Вам именно потому, что уверен, что Вы сделаете все возможное для обеспечения этого».

Два дня спустя я телеграфировал Рузвельту:

Премьер-министр — президенту Рузвельту

10 марта 1945 года

Люблинские поляки вполне могут ответить, что их правительство само в состоянии обеспечить «максимум политического спокойствия внутри страны», что они уже представляют широкие массы «демократических сил Польши» и что они не могут сотрудничать с эмигрантами — предателями Польши или лицами, сотрудничавшими с фашистами, и крупными помещиками и так далее в духе обычных приемов.

Тем временем нас не будут пускать в эту страну и не позволят каким-либо образом получать сведения о существующем там положении. Длительные проволочки вполне на руку Советам, поскольку это дает возможность полным ходом осуществлять процесс ликвидации элементов, нежелательных как для них, так и для их марионеток. Этому способствовало бы выдвижение с нашей стороны неопределенных предложений, направленных на достижение, в соответствии с Крымским решением, политического перемирия между этими польскими партиями (которых разъедает жгучая ненависть по отношению друг к другу), и это вполне могло бы означать отказ от всех ясно выраженных требований, подобных тем, которые я предложил выдвинуть в моей последней телеграмме к Вам. Поэтому мне было бы очень трудно поддержать такой план достижения политического перемирия.

Я уже сообщал Вам, что настроения у нас здесь приобретают очень серьезный характер. Четыре министра воздержались при голосовании, а два уже подали в отставку. Поэтому я очень прошу Вас отнестись с полной серьезностью к моей предыдущей телеграмме.

11 марта президент заверил меня, что наши цели совпадают, т. е. что необходимо добиться прекращения преследования люблинскими поляками своих политических противников и чтобы последние перестали преследовать люблинцев. Мы расходимся, уверял он, лишь в вопросах тактики. Я хотел, чтобы это требование, как таковое, было прямо предъявлено советскому правительству, тогда как он считал, что у нас будет гораздо больше шансов на успех, если мы предложим установить общее политическое перемирие. В Ялте Сталин поднял целую шумиху по поводу террористической деятельности подпольных сил лондонского польского правительства против Красной Армии и люблинских поляков. Вопрос о том, соответствует ли это действительности, не имеет значения. Важно то, что так утверждает советское правительство. Но, если мы потребуем заставить одних только люблинских поляков прекратить преследование своих политических противников, Сталин, несомненно, откажется это сделать. Нас могут также обвинить в том, что мы пытаемся остановить проведение земельных реформ, и люблинские поляки могут утверждать, что они и только они защищают крестьян от крупных помещиков.

Рузвельт согласился относительно посылки наблюдателей, но указал, что предпочел бы подождать, пока наши послы в Москве обратятся к Молотову, прежде чем кто-либо из нас обратится лично к Сталину. В своей телеграмме он писал: «По-моему, нам лучше воздержаться от личного вмешательства, пока не будут исчерпаны все другие возможности добиться согласия советского правительства. Поэтому я искренне надеюсь, что в данный момент Вы не будете обращаться с посланием к Дяде Джо, особенно если учесть, что, по моему мнению, некоторые части предлагаемого Вами текста могут вызвать реакцию, прямо противоположную Вашим намерениям. Мы, конечно, должны поддерживать тесный контакт в этом вопросе».

13 марта я согласился отложить свое намерение обратиться непосредственно к Сталину, но я умолял Рузвельта позволить нашим послам поднять вопросы, перечисленные в предложенном мною проекте послания. Я был уверен, что, если мы не убедим русских согласиться с этими основными вопросами процедуры, вся работа, проделанная нами в Ялте, окажется напрасной.

Я опасался, что инструкции Рузвельта его послу не дадут больших результатов или вовсе ни к чему не приведут, так как единственное определенное предложение, которое они содержали, касалось установления перемирия между польскими партиями. В этом вопросе мы оба

можем оказаться в крайне невыгодном положении. Русские сразу же начнут утверждать, что поляки, настроенные против люблинского правительства, нарушают это перемирие и что поэтому и люблинское правительство нельзя заставить соблюдать его. Не было у меня и основания сомневаться в том, что некоторые сторонники польского правительства в Лондоне, в особенности представители крайне правого подпольного течения — так называемого НСЗ («Народово Силы Збройне»), — действительно могут дать русским и люблинскому правительству повод для таких утверждений.

Все это я изложил в личной телеграмме и в заключение написал:

Премьер-министр — президенту Рузвельту

13 марта 1945 года

В Ялте мы согласились с мнением русских относительно линии границы. Польша утратила свою границу. Должна ли она утратить теперь свою свободу? Вот вопрос, на который, несомненно, придется дать ответ в парламенте и общественности нашей страны. Я не хочу предавать гласности расхождение во мнениях между английским правительством и правительством Соединенных Штатов, но мне, конечно, пришлось бы ясно заявить о том, что мы оказались перед лицом величайшего провала и полного срыва решений, принятых в Ялте, а также о том, что мы, англичане, не располагаем достаточными силами, чтобы двигать это дело дальше, поскольку мы исчерпали свои возможности. Как только Молотов увидит, что он отстранил нас от всего процесса консультаций между поляками относительно формирования нового правительства, он поймет, что мы будем вынуждены соглашаться на все. С другой стороны, я считаю, что если мы будем сообща оказывать упорное давление и проявим настойчивость в том же направлении, в каком мы действовали до сих пор и в соответствии с предложенным мною проектом послания Сталину, то вполне вероятно, что мы добьемся успеха.

На эту телеграмму пришел весьма аргументированный ответ, который, несомненно, был подготовлен государственным департаментом после того, как 8 марта в Вашингтоне получили мою пространную телеграмму.

Президент Рузвельт — премьер-министру

16 марта 1945 года

Я не могу не проявлять беспокойства в связи с теми соображениями, которые Вы высказали в Вашей телеграмме от 13-го. Мне непонятно, что Вы имеете в виду, когда говорите о расхождениях между нашими правительствами в вопросе о переговорах относительно Польши. С на-

шей стороны, несомненно, нет никаких признаков расхождения в политике. Мы обсуждали лишь вопрос о наиболее эффективной тактике, и я не могу согласиться с тем, что мы оказались перед срывом ялтинского соглашения, пока мы не предприняли усилий, чтобы преодолеть препятствия, возникшие в ходе переговоров в Москве. Меня также удивляет Ваше заявление, что единственным конкретным предложением в наших инструкциях Гарриману является предложение об установлении политического перемирия в Польше. Эти инструкции, копии которых у Вас имеются, не только излагают наше толкование ялтинской декларации, но в них также подчеркивается, что комиссия сама должна согласовать кандидатуры поляков, которых следует пригласить для консультации, и что ни одна из трех групп, из которых должно быть составлено реорганизованное правительство, не может диктовать, кто из представителей других двух групп должен быть приглашен в Москву... Нашей основной целью... по-прежнему остается, не отступая, вновь двинуть вперед переговоры и разрешить в первую очередь тот вопрос, по которому эти переговоры зашли в тупик. Самым убедительным образом призываю Вас осознать, насколько важно незамедлительно согласовать инструкции нашим послам, с тем чтобы можно было возобновить переговоры... Имея это в виду, я изучил вопросы, которые Вы в вашем послании от 8 марта предлагаете послать на рассмотрение Сталину, и хочу в связи с этим сделать следующие замечания.

Мы согласны относительно пункта «а», в котором говорится, что варшавское правительство не обладает исключительным правом давать предварительные консультации по всем вопросам, и это предусмотрено нашими инструкциями Гарриману.

Я не думаю, что Молотов согласится с предложением, содержащимся в пункте «б», относительно того, что любой поляк может быть приглашен, если против этого не возражают одновременно все три члена комиссии. Я против выдвижения подобного предложения в настоящее время, так как это, по-моему, почти несомненно оставит нас в тупике, что лишь послужит на пользу люблинским полякам. Я также считаю, что требование о предоставлении свободы передвижения и связи вызовет ненужные дискуссии на данной стадии переговоров.

Относительно пункта «в» мы согласны с тем, что поляки, приглашенные для консультации, должны обсудить состав правительства между собой, в то время как члены комиссии будут председательствовать в качестве беспристрастных арбитров, насколько это возможно. Гарриман уже получил инструкции насчет этого, но он считает, и я с ним согласен, что это требование можно было бы выдвинуть позднее.

Относительно выдвинутого Вами пункта «г» (о прекращении всех принципиальных изменений в Польше) я высказал свое мнение в предыдущей телеграмме и продолжаю считать, что предлагаемый нами подход

скорее обеспечит желаемые результаты. Что касается пункта «д» (относительно посылки наблюдателей), то Вы вспомните, что Молотов дал на это свое согласие, но испугался, когда Кларк Керр заявил, что Вы собираетесь послать многочисленную специальную миссию. Я готов включить в инструкции Авереллу формулировку, предложенную Вами в пункте «д».

Прошу срочно сообщить, согласны ли Вы с тем, что в свете вышеизложенных соображений наши послы могут действовать в соответствии с полученными ими инструкциями...

На это я ответил:

Премьер-министр — президенту Рузвельту

16 марта 1945 года

С чувством большого облегчения я узнал, что, по Вашему мнению, между нами нет никаких серьезных расхождений, и я согласен с Вами, что наши разногласия касаются лишь тактики. Вы знаете, конечно, что нашим величайшим желанием является идти в ногу с Вами, и мы понимаем, каким безнадежным было бы положение Польши, если бы оказалось, что между нами нет полного согласия... Что касается пункта «г» (просить советское правительство не допускать, чтобы варшавское правительство производило новые принципиальные перемены в Польше), то боюсь, что я не могу согласиться с тем, что Ваш план установления перемирия приведет к желаемым результатам. Как же мы можем гарантировать, что ни поляками в самой Польше, ни сторонниками польского правительства в Лондоне не будет сказано или сделано ничего такого, что русские могут представить как нарушение перемирия? Я опасюсь, что план перемирия приведет к бесконечным проволочкам, а затем и к тупику, причем некоторую долю вины за это, вероятно, можно будет возложить и на лондонское польское правительство. Поэтому я боюсь, что мы не сможем поддержать Ваше предложение о перемирии, так как считаем его крайне опасным. Я еще раз самым убедительным образом прошу Вас рассмотреть вопрос, не можете ли Вы согласиться (с пересмотренным предложением относительно прекращения осуществления принципиальных перемен в Польше). Это дало бы нам какую-то основу, на которой могла бы базироваться работа наших наблюдателей, относительно чего, к моему глубокому удовлетворению, мы пришли к согласию.

В настоящее время нашим представителям полностью закрыт доступ в Польшу. Какова бы ни была причина, нас хотят лишить возможности наблюдать, что там происходит. Мы не можем мириться с таким положением.

Англо-американская тактика и вопрос о процедуре были наконец согласованы. Тем временем, как мы и предвидели в Лондоне, тупик, образовавшийся в Москве, оставался. Советская политика с каждым днем все больше прояснялась. Становилось все более понятным, в каких целях они использовали свое неограниченное, свободное от посторонних наблюдений господство в Польше. Они потребовали, чтобы Польша была представлена в Сан-Франциско лишь люблинским правительством. Когда западные державы не согласились на это, Советы отказались послать туда Молотова. Это угрожало сделать невозможным достижение какого-либо прогресса в Сан-Франциско и, более того, угрожало срывом самой конференции. В ответ на согласованное обращение наших послов 19 марта и во время переговоров, состоявшихся 23 марта, Молотов вновь выступил с резкими негативными заявлениями по всем вопросам, которые он затрагивал, а другие вопросы он просто игнорировал. Молотов настаивал на том, что ялтинское соглашение лишь предусматривает добавление нескольких поляков к уже существующему правительству из русских марионеток и что сначала необходимо проконсультироваться с этими марионетками. Молотов продолжал настаивать на своем праве наложить вето на приглашение Миколайчика и других поляков, кандидатуры которых мы могли бы предложить, и делать вид, будто недостаточно осведомлен о кандидатурах, выдвинутых нами задолго до этого. Он не упоминал о нашем предложении о том, чтобы члены комиссии председательствовали в качестве арбитров во время переговоров между поляками. Не упоминал он также и о выдвинутом нами предложении воздержаться от проведения в Польше таких мероприятий, которые могут повлиять на будущность польского государства, а также от использования против отдельных лиц и групп таких действий, которые могут нарушить мир. Молотов игнорировал даже собственное предложение о посылке наблюдателей и сказал нам, чтобы мы обратились с этим вопросом к варшавским марионеткам. Было ясно, как божий день, что его тактика заключалась в том, чтобы затягивать дело, пока люблинский комитет укрепляет свою власть. Переговоры, которые вели наши послы, не обещали привести к справедливому урегулированию польского вопроса. Это лишь означало, что наши обращения будут класться под сукно, а время будет напрасно тратиться на составление таких формулировок, которые не решают жизненно важных вопросов.

27 марта я счел себя обязанным возобновить переговоры.

Премьер-министр — президенту Рузвельту

27 марта 1945 года

...Как Вам известно, если мы не сумеем добиться удовлетворительного решения польского вопроса и если мы будем на деле обмануты Россией,

то как Иден, так и я будем обязаны заявить об этом открыто в палате общин. Критикам ялтинского соглашения в палате общин я советовал доверять Сталину. Если я буду вынужден сообщить в палате общин о положении дел, весь мир придет к заключению, что этот совет был неправильным, тем более, что результатом нашей неудачи в Польше будет установление там порядков по новому, румынскому образцу. Ввиду этого не настало ли время нам обоим обратиться с посланием к Сталину по вопросу о Польше? Я вышлю Вам наш примерный проект этого послания сразу же вслед за этой телеграммой. Надеюсь, что Вы согласитесь.

Как Вы расцениваете то, что Молотов не будет участвовать в конференции в Сан-Франциско? На меня это производит плохое впечатление. Значит ли это, что русские хотят отстраниться или они пытаются нас шантажировать? Предложения, выдвинутые в Думбартон-Оксе, которые будут служить основой переговоров в Сан-Франциско, исходят, как мы оба их понимаем, из концепции единства великих держав. Если это единство не будет сохранено при решении польского вопроса, который в конечном счете является важнейшей проблемой послевоенного урегулирования, то законно задать вопрос: каковы перспективы успешной работы новой международной организации? И не очевидно ли, что при таких обстоятельствах мы будем возводить здание будущего мира во всем мире на песке?

Поэтому я полагаю, что, если мы не хотим ставить под угрозу успешный исход работы конференции в Сан-Франциско, мы оба должны обратиться как можно более решительно к Сталину по вопросу о Польше и, если необходимо, относительно любых других нарушений согласия, достигнутого в Крыму. Только таким образом мы будем иметь реальную надежду на то, что международная организация будет создана на основе, приемлемой для общественного мнения наших стран. Мне даже кажется, что нам следовало бы теперь сказать Сталину о том, какое неблагоприятное впечатление произведет отсутствие Молотова на конференции в Сан-Франциско.

В тот же день я добавил к этому позитивное предложение.

Премьер-министр — президенту Рузвельту

27 марта 1945 года

1. Не можем ли мы заявить ему (Сталину), что мы удручены тем, что работе польской комиссии препятствуют недоразумения, связанные с толкованием ялтинских решений? Цель этих решений, относительно которых мы пришли к общему согласию, — формирование нового правительства национального единства после проведения кон-

сультаций с представителями люблинского правительства и других демократически настроенных поляков, которые оба наши правительства могли бы признать. Мы не получили никакого ответа относительно кандидатур тех поляков, которых мы предложили, причем оправданием служила ссылка на недостаток информации. Мы предоставили достаточно информации. Не должно существовать такого положения, чтобы одна держава накладывала вето на все кандидатуры. Сталин поймет, что весь смысл решения, принятого в Ялте, — создать такое польское правительство, которое мы могли бы признать, и поэтому вполне очевидно, что мы не можем вступить в сношения с нынешней администрацией. Мы уверены, что он оставит в силе предложение о посылке наблюдателей, а его влияние на своих варшавских друзей столь велико, что он без труда преодолеет всякое возможное нежелание с их стороны дать на это согласие.

2. Сталин, несомненно, убедится в том, что пока три великих союзника принимают меры для создания нового правительства национального единства, люди, стоящие у власти в Польше, не должны предрешать будущее.

Президент ответил, что он тоже «с беспокойством следит за изменениями в советской позиции со времени Крымской конференции». Он изложил свои предложения относительно дальнейших переговоров, которые будут вести наши послы, и в заключение написал: «Я, тем не менее, согласен с Вами, что настало время обсудить непосредственно со Сталиным более широкие аспекты позиции Советского Союза (в особенности по отношению к Польше), и в моей телеграмме, которая сразу же последует, будет содержаться текст послания, которое я предлагаю отправить. Надеюсь, что Вы дадите мне знать о вашем мнении как можно скорее».

«Рад, — телеграфировал я 30 марта президенту, — что Вы согласны с тем, что для нас обоих настало время обратиться непосредственно к Сталину».

1 апреля я обратился к Сталину:

Премьер-министр — маршалу Сталину

1 апреля 1945 года

1. Я надеюсь, что Вы сейчас уже получили послание от президента Соединенных Штатов, которое он сообразовал показать мне перед отправкой. Я считаю своим долгом от имени правительства Его Величества заверить Вас, что военный кабинет желает, чтобы я сообщил Вам о том, что мы полностью одобряем это послание президента и что мы полностью присоединяемся к нему.

2. Имеется два или три вопроса, которые я желал бы особо подчеркнуть. Во-первых, мы считаем, что в московских переговорах мы придерживались духа и в некоторых вопросах даже буквы ялтинского соглашения. Мы никогда не предполагали, что комиссия, которую мы все трое назначили с такой величайшей готовностью, не сможет выполнить свою работу быстро и легко на основе взаимных уступок. Мы в то время, конечно, полагали, что польское правительство — «новое» и «реорганизованное» — теперь уже будет существовать и будет признано всеми Объединенными Нациями. Это дало бы всему миру доказательство нашей способности и решимости работать совместно ради его будущего. Еще не поздно добиться этого.

3. Однако в комиссии было достигнуто соглашение, что еще до учреждения такого нового и реорганизованного польского правительства как из самой Польши, так и из-за границы должны быть вызваны видные поляки не обязательно для участия в правительстве, а лишь для непринужденных и искренних консультаций. Даже этот предварительный шаг не может быть сделан ввиду того, что выдвинуто требование накладывать вето на любое приглашение, даже на консультацию, которые не одобрены советским или люблинским правительствами. Мы никак не можем согласиться с тем, чтобы любой из нас троих имел право такого вето. Наиболее красноречивым примером использования этого вето является случай с г-ном Миколайчиком, который в британском и американском мире рассматривается как выдающийся польский деятель за пределами Польши.

4. Мы также с удивлением и сожалением узнали, что предложение г-на Молотова, сделанное им по собственной инициативе, разрешить наблюдателям или миссиям посетить Польшу было взято обратно. Ввиду этого мы оказались лишенными всех средств самим проверять информацию, часто крайне неприятного характера, которая направляется нам почти ежедневно польским правительством в Лондоне. Мы не понимаем, почему положение в Польше должно быть окутано такой тайной. Мы предоставляем советскому правительству все возможности для посылки миссий или отдельных лиц на любые территории, находящиеся под нашей военной оккупацией. В некоторых случаях это предложение было принято советскими органами, и поездки состоялись к взаимному удовлетворению. Мы просим, чтобы в этих делах был соблюден принцип взаимности, что помогло бы заложить прочный фундамент для нашего длительного сотрудничества.

5. Президент также показал мне послания, которыми Вы обменялись с ним по поводу того, что г-н Молотов не в состоянии присутствовать на конференции в Сан-Франциско. Мы надеялись, что присутствие там трех министров иностранных дел смогло бы устранить многие трудности, которые обрушились на нас, как буря, со времени нашей

счастливой и обнадеживающей встречи в Ялте. Однако мы никоим образом не подвергаем сомнению важность тех соображений государственного характера, которые заставляют его остаться в России.

6. Как и президент, так и я был поражен заключительной фразой Вашего послания ему. То, что он говорит в отношении американского народа, относится также к британскому народу и к народам Британского Содружества наций с тем добавлением, что нынешние советники Его Величества занимают свои посты только по воле парламента, избранного на основе всеобщего избирательного права. Если нашим усилиям достичь соглашения о Польше суждено быть обреченными на провал, то я должен буду признаться в этом парламенту, когда он соберется после пасхальных каникул. Никто не защищал дела России с большей страстью и убежденностью, чем это старался делать я. Я был первым, кто поднял свой голос 22 июня 1941 года. Больше года прошло с тех пор, как я провозгласил изумленному миру справедливость линии Керзона в качестве границы России на западе, и эта граница теперь принята как британским парламентом, так и президентом Соединенных Штатов. Как искренний друг России я лично обращаюсь к Вам и Вашим коллегам с призывом достичь прочного соглашения с западными демократиями о Польше и не отталкивать протянутую нами сейчас руку дружбы в деле будущего руководства миром.

Спустя неделю Сталин ответил нам обоим. Он обвинил английского и американского послов в Москве в том, что они «завели польский вопрос в тупик». В Ялте мы решили сформировать новое польское правительство, взяв за основу и реорганизовав люблинское правительство. Вместо этого наши послы предпринимают попытки упразднить это правительство и создать совершенно новое правительство. В Ялте мы также решили проконсультироваться с пятью поляками из Польши и примерно с тремя из Лондона. Наши послы теперь утверждают, что каждый член московской комиссии может пригласить неограниченное число поляков как из Польши, так и из Лондона. Советское правительство не может согласиться на это. Комиссия в целом должна решить, кого приглашать, и приглашенными должны быть лишь такие поляки, которые согласны с ялтинскими решениями, включая решение о линии Керзона, и искренне стремятся к установлению дружеских отношений между Польшей и СССР. «Советское правительство, — писал он, — настаивает на этом потому, что за освобождение Польши было пролито много крови советских солдат, а также потому, что на протяжении последних тридцати лет территория Польши дважды использовалась врагом для вторжения в Россию». Затем Сталин изложил меры, которые нам следует принять, чтобы «выйти из тупика». Речь должна идти не о ликвидации люблинского правительства, а о его реорганизации посредством замены

некоторых теперешних министров новыми, не являющимися членами этого правительства; только восемь поляков должны быть приглашены для консультации — пятеро из Польши и трое из Лондона, причем все они должны быть согласны с ялтинскими решениями и дружественно относиться к советскому правительству; консультироваться необходимо сначала с люблинским правительством, поскольку оно пользуется «огромным» влиянием в Польше, и любой другой курс действий может оскорбить польский народ и заставить его думать, что мы пытаемся навязать ему правительство, не считаясь с общественным мнением. «Я полагаю, — заключил он, — что если бы упомянутые замечания были учтены, то согласованного решения польского вопроса можно было бы достигнуть в короткое время».

Сталин также направил мне личное послание:

Маршал Сталин — премьер-министру

1 апреля 1945 года

Английский и американский послы — члены московской комиссии не хотят считаться с временным польским правительством и настаивают на приглашении для консультации польских деятелей, независимо от того, как они относятся к решениям Крымской конференции о Польше и к Советскому Союзу. Они настаивают на обязательном приглашении в Москву на консультацию, например, Миколайчика, причем делают это даже в ультимативной форме, не считаясь с тем, что Миколайчик открыто выступал против решений Крымской конференции о Польше. Впрочем, если Вы считаете необходимым, я готов был бы воздействовать на временное польское правительство, чтобы оно сняло свои возражения против приглашения Миколайчика, если последний выступит с открытым заявлением о признании им решений Крымской конференции по польскому вопросу и о том, что он стоит за установление дружественных отношений между Польшей и Советским Союзом.

Вы недоумеваете, почему польский театр военных событий должен быть окутан тайной. На самом деле здесь нет никакой тайны. Вы упускаете из виду то обстоятельство, что посылку в Польшу британских наблюдателей или других иностранных наблюдателей поляки воспринимают как оскорбление их национального достоинства, если иметь к тому же в виду, что нынешнее отношение британского правительства к временному польскому правительству последнее рассматривает как недоброжелательное. Что касается советского правительства, то оно не может не считаться с отрицательным отношением временного польского правительства к вопросу о посылке иностранных наблюдателей в Польшу. Кроме того, Вам известно, что при ином отношении к себе временное польское правительство не ставит препят-

ствий к въезду в Польшу представителей других государств и не создает для них никаких преград, как это имеет место, например, в отношении представителей чехословацкого правительства, югославского правительства и других.

Я имел приятную беседу с 2-гой Черчилль. Она произвела на меня большое впечатление. Она передала мне подарок от Вас. Разрешите поблагодарить Вас от души за подарок.

Эти тщательно обдуманые документы давали по меньшей мере некоторую надежду на успех. Я сразу же начал мучительные для меня переговоры с Миколайчиком и другими польскими представителями с целью добиться их безоговорочного согласия с ялтинскими решениями.

«Мы должны, — телеграфировал президент 11 апреля, — обсудить самым тщательным образом возможные последствия позиции Сталина, а также какой следующий шаг нам надлежит предпринять. Я, конечно, не буду предпринимать каких-либо шагов и не буду делать какого-либо заявления без согласования с Вами, и я знаю, Вы поступите так же».